

Двуликий Янус политического менеджмента

Сергей Федорченко

Политический менеджмент является важной ступенью эволюции управленческих технологий, когда прежнего государственно-силового принципа становится уже недостаточно для решения сложных политических проблем. Правда, иногда политический менеджмент ассоциируется с практикой манипулятивных технологий, инициирующихся малоизвестными закулисными консультантами – своего рода серыми кардиналами. Подобная эмоциональная и некорректная трактовка с подачи популярных массмедиа препятствует объективному пониманию феномена политического менеджмента.

Важно подчеркнуть, что применять к политическому менеджменту этические формулы – довольно неблагодарная затея: в настоящее время его технологичный модус ориентирован на конкретные задачи обеспечения функционирования современной политической системы и удержания власти элитой независимо от того, используется политический менеджмент для консолидации и развития демократии либо для корыстных узкогрупповых целей. Его основу составляет определённая матрица, когда субъект политического управления отказывается от создания общеобязательных норм и не применяет легитимного насилия по отношению к объекту политического управления [1]. Ориентация на гибкие способы решения политических проблем – это своеобразное кредо политического менеджмента.

Современная двойственность политического менеджмента имплицитно определяется двумя историческими традициями макиавеллизма.

ФЕДОРЧЕНКО Сергей Николаевич – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и права Московского государственного областного университета (МГОУ).
E-mail: s.n.fedorhenko@mail.ru

Ключевые слова: политический менеджмент, *arcana imperii*, макиавеллизм, *raison d'état*, демократия.

Arcana imperii

Сочинения Никколо Макиавелли «Рассуждение о первой декаде Тита Ливия» и «Государь» оказали серьёзнейшее влияние на последующие политические учения и развитие политической философии. Хотя две парадигмы макиавеллизма давно прошли период своего подъёма, они по-прежнему оказывают воздействие на современную теорию и практику политики через определённую преемственность научного знания.

Первая традиция макиавеллизма, как правило, ассоциируется с так называемыми тайнами власти, или *arcana imperii*. Понятие *arcana imperii* имеет основательную историю – оно связано с пифагорейскими мистериями, платоновским «символом пещеры» и восходит к тому, что Аристотель описывал как *kyrghia* власти. Схожие мысли можно найти и в легизме китайского философа Шан Яна. Впервые же подобную терминологию использовал древнеримский историк Тацит в следующем отрывке: «...разглашённой оказалась тайна (*arcana imperii*. – Авт.), окутывавшая приход нового принцепса к власти, и стало ясно, что им можно сделаться не только в Риме» [2].

Идеи Макиавелли наполнили понятие *arcana imperii* довольно неоптимистичным содержанием: итальянский мыслитель признавал, что государь порой вынужден творить зло. Стоит вспомнить, что известный голландский политолог Франклин Анкерсмит детально проанализировал развитие первой традиции макиавеллизма. Учёный пишет, что наиболее ценные размышления об

arcana imperii дошли до нас от Габриэля Нодэ и Луи Машона.

Книга Нодэ «Размышления о государственных переворотах», напечатанная всего в 12 экземплярах, была написана для кардинала Николая Баньи, покровителя автора. Даже сегодня эта работа не так распространена. В ней Нодэ развивает понятие *arcana imperii*, описывая его аналогичным термином *coups d'état*.

В своей монографии «Политическая репрезентация» Анкерсмит соглашается с Питером Дональдсоном, который пишет, что Нодэ целенаправленно увязывает *arcana imperii* с топосом деятельности правителя как *imitatio dei* – «подражания богу». Согласно Нодэ, секретность *arcana imperii* составляет часть государственной тайны, которую не понимают обычные люди [3]. Неслучайно мыслитель соотносит таинство технологий власти с такими явлениями природного и космического масштаба, как кометы, бури и вулканы.

В конце своего сочинения, перечисляя задачи советника государя, Нодэ рекомендует ему быть честным и благочестивым, соблюдать все традиционные христианские нормы, а также любить людей. Получается, что учёный отводит безнравственность и макиавеллиевское злодейство только исключительно правителю и, вероятно, его элитному окружению, предлагая советнику «...жить в мире, как если бы он жил вне его; жить под небосводом, как если бы находился над ним». Иными словами, Нодэ помещает советника (прототипа политического менеджера-консультанта) вне координат добра и зла.

Машон, в отличие от Нодэ, усматривает традицию *arcana imperii* уже

в библейском наследии человечества. Мыслитель фактически оправдывает эту форму макиавеллизма тем, что нравственный идеал существует не в нашем, а в идеальном мире. Следовательно, отмечает Машон, правители также вынуждены действовать в несовершенном мире, практикуя безнравственные поступки. Изучая наследие Нодэ и Машона, Франклин Анкерсмит приходит к важному выводу: приёмы *arcana imperii* являются тайнами не потому, что держатся в секрете, а потому, что контекст, в котором правитель действует, недоступен и неизвестен рядовым обывателям [4]. А это поднимает вопрос политической просвещённости обычных людей.

Хотя Анкерсмит утверждает, что жёсткий макиавеллизм в форме *arcana imperii* из-за своей секретной природы со временем перешёл из публичной сферы в частную, он всё же признаёт, что в некоторой степени модус этой традиции сохраняется и поныне. В этой связи большой интерес представляет мысль голландского политолога о том, что важным средоточием *arcana imperii* в настоящее время стала политическая партия.

Ещё Макс Вебер в своём труде «Политика как призвание и профессия» описывал феномен партийного босса. Позже Роберт Михельс предупреждал о тенденции превращения руководства партий в олигархические группы, представляющие определённую опасность для демократии тем, что с их помощью политические элиты стали пользоваться партионой (партийной системой) для удержания власти в государстве [5].

Канадский политолог Крафорд Макферсон дал более резкую оценку

роли современных партий. По его мнению, хотя партиома и стала средством для смягчения социального размежевания, она теперь менее ответственна перед избирателями и предполагает лишь конкуренцию между несколькими элитами, оформленными в партии [6]. Получается, что наблюдение Анкерсмита об уходе *arcana imperii* в негосударственный сектор отчасти верно. Партии действительно не являются государственными организациями, но это вовсе не отменяет того факта, что скрытые технологии *arcana imperii* могут использоваться элитами в партийном и государственном строительстве.

Итальянский политолог Данило Дзоло заметил, что крайняя техническая сложность политических проблем современности способствует сохранению приёмов *arcana imperii*, фактически изымая их из компетенции общественности, состоящей из граждан, не обладающих достаточными техническими и научными знаниями для понимания решаемых государственных задач [7]. Дзоло подводит нас к сокровенному смыслу обновлённой традиции *arcana imperii*. В его понимании основной функцией политической системы является уменьшение страха посредством селективного регулирования социальных рисков и конкурентного распределения ценностей безопасности. Политолог считает, что эффективность политической власти определяется тем, насколько она способна уменьшать сложность социума.

Парадокс современного феномена *arcana imperii* кроется в том, что уменьшить политические риски го-

сударства за счёт снижения уровня социальных фобий и соответственного повышения безопасности граждан властная элита стремится путём инженерии новых же социальных фобий (об этом пишет и Дзолу). Вот почему в элитных проектах часто появляется фантом внешнего или внутреннего политического врага.

Недостаточная компетенция в тонкостях политтехнологий, незнание фундаментальных и прикладных политологических исследований, а также низкая политическая просвещённость обычных граждан создаёт благоприятные условия для развития самых антиобщественных форм *arcana imperii* в политическом менеджменте. Более того, отсутствие прочной традиции демократического отзыва политиков, механизма их подотчётности и ответственности переводит политический менеджмент в формат самых изощрённых манипуляций.

Американский аналитик юнгианского направления Володимир Одайник склонен объяснять такое явление тем, что современное го-

сударство берёт на себя чрезмерную ответственность за многие стороны жизни граждан, тем самым не давая им ощутить собственную ответственность за политические меры, совершаемые от их же имени [8].

Подобное, в свою очередь, воспроизводит дискурс политической секретности.

Элита всегда склонна фильтровать ту информацию, которая непосредственно связана с её деятельностью, поэтому ей ближе скрытные технологии *arcana imperii*, чем демократические процедуры. Получается, что эта традиция макиавеллизма самым негативным образом воздействует на современный политический менеджмент, усиливая элитарность режима и ориентируя трансформацию демократического устройства от представительного в сторону более формализованного – плебисцитарного. *Arcana imperii*, несмотря на свой незаметный уход в тень со второй половины XVII в., до сих пор остаётся палладиумом технологий приближённых к властной элите политических консультантов.

Raison d'état

Вторая традиция макиавеллизма, в дальнейшем повлиявшая на парадигму политического менеджмента, появилась в начале XVII столетия. Определённые эскизы концепта политики предусмотрительности мы можем обнаружить у Цицерона в его трактате «О республике». Хотя это направление наиболее очевидно угадывается именно в полемике Джованни Ботеро с Макиавелли. *Raison d'état* изначально была больше связана с национальными интересами государства, а не с узкогрупповыми интересами политической

элиты и правителей, как в случае с *arcana imperii*. Правда, от макиавеллизма эта традиция берёт право государства нарушать закон во имя высшего блага.

Основоположник государственоведения Герман Конриг отвергал технологии *arcana imperii*, считая, что следует воздержаться от наиболее радикальных советов Макиавелли.

Немецкий учёный настаивал на сосуществовании государственных интересов и моральных норм в этой традиции. Другими словами, рассматриваемая традиция означает

наиболее мягкий вариант макиавеллизма.

Однако приёмы данного варианта макиавеллизма не стоит идеализировать с неких моралистских позиций. Вторая традиция макиавеллизма выступает лишь тотемной маской новейших политических технологий. Тот же Ботеро предлагает в сочинении «О величии городов» открытую практику применения манипулятивных приёмов против оппозиционно настроенных к власти групп населения.

К примеру, он разработал методiku психологической войны с сектами, рекомендуя государству навязывать для их представителей особую систему воспитания, ценностей, профессиональных занятий и т.п. с целью ослабления роли подобных групп [9].

Этими стараниями манипуляция во имя государственных интересов, положенная в самую основу политической системы, переходит из таинства мистерии *arcana imperii* в степень новой ценности сохранения стабильности порядка.

Конечно, мягкий вариант макиавеллизма можно расценивать как определённый прогресс управленческого искусства. Не зря Анкерсмит нам напоминает, что поздняя традиция макиавеллизма подарила человечеству практически все разновидности социально-политических дисциплин, аккумулировавших и перерабатывавших знание, которое можно было использовать для достижения общественного благополучия. Впоследствии эта традиция транслировала в камерализм учение о долге государства перед своими подданными [10], что в итоге воплотилось в более современную теорию социального государства.

Пантеон идеалов второй традиции находится в сфере политики предусмотрительности и рациональности. Вместе с этим когерентность некоторых черт двух вариаций макиавеллизма постоянно даёт о себе знать. Ведь то, что первая традиция со временем ушла в тень, совсем не означает отсутствие преемственности в последующей практике политических технологий. Уместно привести рассуждение Дзоло на эту тему.

Итальянский политолог заметил, что благодаря современным электронным технологиям обладатели власти получили такие способности собирать информацию и манипулировать ею, что даже демократические институты стали приобретать черты неизвестного Паноптикона, где за лишёнными всякого личного мировоззрения гражданами присматривают соответствующие структуры [7].

Политический менеджмент не имеет такой длительной истории развития теоретического знания, как другие сегменты политологии. Но хотя и имплицитно, на него всё же оказывают воздействие обе традиции макиавеллизма.

В настоящее время этот двуликий Янус всё больше преобразуется в сложный симбиоз элитной скрытности *arcana imperii* и политических технологий, черпающих своё обоснование в парадигме позднего макиавеллизма. Вот почему для этих традиций макиавеллизма нет никакого смысла в построении морализаторской дихотомии с чёткими координатами добра и зла. Фактически социум получает от политических менеджеров готовый паттерн, объясняющий гражданам, что государство использует самые разнообразные технологии, в том числе на грани этических категорий, с целью сохране-

ния и умножения безопасности и процветания общества.

На самом же деле современные властные элиты уже давно отказались от фантома камерализма и социального государства для граждан. Приёмы второй традиции макиавеллизма, оправдывающиеся важностью национальных интересов, полностью переформатированы под элитные интересы сложившихся влиятельных политических и финансовых сетей. И эта окончательная «перезагрузка» поздней традиции макиавеллизма означает возрождение из пепла новой элитной традиции *arsana imperii* и характеризует всю драму настоящих демократических систем. Подобные выводы вполне подкрепляются результатами последних фундаментальных исследований Дзолло, Макферсона и Анкерсмита.

Эскиз новой парадигмы

Двуликий Янус политического менеджмента стал настоящим идолом у современных политтехнологов. И хотя лица этого Януса различны, влияние двух традиций макиавеллизма на становление теории и практики политического менеджмента приобрело системно-манипулятивный характер. Обе традиции никуда не исчезли, а лишь успешно укрылись под оболочкой новых теоретических конструктов. Фатально одно – *arsana imperii* и *raison d'état* в равной степени противоречат демократическому преобразованию общества, служат заучливым политическим акторам, а значит, уже не подходят для полноценного развития современного социума из-за своей манипулятивной природы. Даже

Логично констатировать, что парадигмальный выбор у современного политического менеджмента, несмотря на сильнейшее влияние в его теоретическую матрицу зарубежными и отечественными учёными экономическими идеями, довольно невелик. Все последние предпринимаемые попытки политологического цеха по оживлению концепта политического менеджмента, к сожалению, не увенчались успехом – мы видим либо терминологическое заимствование из экономических наук, либо характерное нарушение «бритвы Оккама». Кажущиеся новыми теоретические модели, по сути, являются маской двух постоянно возрождающихся фениксов – двух традиций макиавеллизма. В этих условиях важно наметить исследовательский горизонт для новой парадигмы политического менеджмента.

если эти традиции давно прошли период своего расцвета, это вовсе не означает, что они никак не воздействуют на современную теорию и практику политики.

Локализовать мимикрию макиавеллистских парадигм в современной политике вполне реально, нужно лишь установить очевидную привязку нынешних политико-менеджерских концептов к маркетинговой матрице. Апелляция многих политологов к терминологии технологий политического рынка и политического капитала служит определённой нитью Ариадны в этих поисках.

Факт избегания в неоклассических политологических разработках любого противопоставления элитизма и демократии заставило критиков

этой модели называть её «демократическим элитизмом». А это нас снова возвращает к неуловимой, но вездесущей традиции *arcana imperii*, той, что итальянские исследователи Норберто Боббио и Данило Дзоло называют «невидимой властью». Современные авторы этот процесс тесно связывают с зарождением института политических консультантов.

Боббио в обосновании «демократического элитизма» идёт дальше. Вслед за Шумпетером он утверждает, что специфическим маркером сегодняшней демократической системы является конкуренция нескольких элит [11]. Макферсон дополнил эту мысль тем, что не совсем демократическая конкуренция элит переродилась в демократическое соперничество политических партий. Канадский политолог скептически относится к тому допущению, что соревновательная элитистская партийная система обеспечивает оптимальное равновесие спроса и предложения политических благ, а также некий потребительский суверенитет граждан. В своём исследовании Макферсон приводит очень ценное для нас доказательство того, что модель политического рынка не только далека от демократии, но и, наоборот, эта система уводит от подлинной конкуренции к партийной олигополии и абсентеизму [6]. Сохранение манипулятивно-технологичной природы второй традиции макиавеллизма, озвученной ещё Ботеро, также очевидно в политико-маркетинговых моделях политического менеджмента.

Боббио в своих работах показал, что в настоящее время появился скверный парадокс, приводящий к уничтожению фундаментального принципа демократии, а именно: увеличивающийся разрыв между недостаточной компетентностью людей и всё более сложными политическими проблемами, решаемыми только узкоспециализированными профессионалами.

Построение элитой с помощью политических менеджеров режима экспертократии только усиливает раскол электорального поля, риски которого объективно показал в своём исследовании А.В.Абрамов [12].

Экспертотократия всё уверенней приобретает контуры специфического механизма по консолидации политической элиты и их партиомы, а не демократии.

Для сохранения демократической системы гремучая смесь технологий, восходящих к традициям *arcana imperii* и второй традиции макиавеллизма, чрезвычайно опасна, так как этот двуликий Янус постоянно воспроизводит выгодный для элит социальный порядок с помощью фильтрации информационных потоков. Такая эволюция приводит к созданию системы элитного образования – защитному механизму властных кланов. В то же время демократия может успешно развиваться только в условиях равного доступа граждан к информационным источникам как правового [13], так и политико-экономического характера.

Определённой архимедовой точкой для новой парадигмы политического менеджмента может послужить его медиационная природа. Здесь созревают такие политические инициативы, которые навсегда ограничили бы возможность манипуляциям играть роль *deus ex machina* в современном обществе. Новую актуальность на этом фоне приобретает проблема реформатирования процедур политической подотчётности с учётом всей сложности культуры компромисса в современной демократии.

Медиационная парадигма (от лат. *mediator* – посредник) может по-

служить неплохим импульсом для преобразования всей имеющейся концептуальной картины политического менеджмента, предполагая переосмысление его модуса посредничества. Давно уже складывающийся по всему миру профессиональный сегмент политических менеджеров приводит к мысли о соотношении этого феномена с существующими демократическими институтами. Одновременно возникает не только вопрос о дополнительном законодательном регулировании деятельности этих специфических экспертов, но и об их возможной прогрессивной роли по переустройству российского общества.

Истинная суть политического менеджера как медиатора политических отношений всегда недооценивалась. Как было показано, нынешнее возведение в степень абсолюта технологической стороны политического менеджмента ставит перед человечеством цивилизацией довольно безальтернативный и драматический выбор между технологиями *arsana ipreii* и поздней традиции макиавеллизма. Всё это постепенно дискредитирует любую версию демократического устройства. Поэтому растёт спрос на медиационную культуру политического менеджмента, предполагающую такие ценные элементы, как технологии координации, компромисса, политических сетей, метауправления и механизма подотчётности. Также важно профессиональное образование самих политических менеджеров. Как ни парадоксально это прозвучит, подобные сугубо технологичные компоненты, постоянно воспроизводясь, должны постепенно стать традициями меди-

ационной культуры нового политического менеджмента, нацеленного не на узкогрупповую манипуляцию, а на консолидацию демократии и прогрессорское преобразование всего общества.

Теперь разберём принципы медиационной парадигмы, которые должны не только оформиться современными технологиями, но и сформировать прочную управленческую культуру нового политического менеджмента. Роль спускового механизма в создании прорывной системы может сыграть *координация* политических отношений и процессов.

По мнению исследователя М.И.Халикова [14], координация – основополагающий элемент управленческой активности и управленческого процесса, так как именно она сохраняет саму систему, означая эффективный симбиоз приёмов согласования, соподчинения, субординации, реординации и горизонтальной коммуникации.

Политический менеджер должен стать тем высококвалифицированным специалистом-медиатором, который не только бы вёл системный мониторинг и учёт всех потенциальных точек бифуркации управленческого процесса, но и налаживал бы эффективную коммуникацию между субъектами и объектами управленческих отношений путём слаженной и всем понятной координации.

Другим важным условием полномасштабной трансформации политического менеджмента следует сделать культуру компромисса.

Франклин Анкерсмит уверен, что основная функция демократии – не вовлечение всего населения в принятие политического решения, а преобразование политических идеалов в политические мнения. В своём исследовании он показал, что переговорный модус комп-

ромисса, в отличие от консенсуса, требует признания реальности оппонентов, несмотря на их приверженность иным принципам.

Учёный доказывает, что в условиях принятия всеми политическими акторами практики компромисса нужно быть готовыми к парадоксу: самые сложные проблемы становятся лучшими сигналами о необходимости усовершенствования общества, а отсутствие сложных задач приводит к деградации политической системы. Вот почему компромисс стимулирует политическую кооперацию и креативность.

К аналогичным выводам пришли в своих научных сочинениях Роберт Патнем [15] и Дж.Каренс [16].

Технология компромисса, поддерживаемая политическими менеджерами и вводимая в паттерн привычки, должна привести к формированию такой управленческой культуры партнёрских отношений между субъектами и объектами управления, при которой даже небольшое отступление от этих правил будет чревато серьёзными политическими рисками и экономическими издержками. Компромисс важен как политический амортизатор всех существующих и возможных в будущем сложностей управленческих процессов.

Определённым вызовом для современного политического менеджмента стало появление и развитие так называемых *политических сетей* – устойчивых объединений институционально независимых государственных и негосударственных акторов, проявляющих интерес к тому или иному сегменту государственной политики и вступающих во взаимодействие для повышения вероятности достижения поставленных целей [17]. Наибольший интерес

имеет для нас именно соотношение экспертных и политических сетей.

Некоторые исследователи (например, Анкерсмит) рисуют довольно мрачную картину сетевой эволюции политической системы, что свидетельствует о важности локуса экспертократии в современных управленческих процессах. Конечно, риски неподконтрольной обществу манипуляции порождаются практически любыми политическими явлениями, особенно теми, которые на фоне привычных алгоритмов управления кажутся нестандартными и непредсказуемыми. Это настороженное отношение академического сообщества к политическим сетям вполне объяснимо – элементарная нехватка массива эмпирической информации и соответствующего теоретического обобщения по данному вопросу препятствует качественному научному прорыву.

Нравится нам это или нет, экспертные сети всё отчётливее очерчивают свой лимб в мире политики. Признать проблему – значит, приблизиться к её решению. В этом свете серьёзной миссией политического менеджера как медиатора становится управление подобными сетями с целью прогресса демократии, экономики и улучшения социальных показателей. Приёмы тонкого воздействия на неработоспособные или даже антиобщественные сети могут быть разные: влияние на баланс и распределение власти в сети, изменение её численного состава, внутренней организации, нормативное или ресурсное регулирование, автономизация участников, создание между ними новых связей, расширение границ самой сети, вывод комму-

никации на новый уровень, трансформация отношений между сетью и политическим менеджером и т.п.

О.В. Михайлова в своей монографии показала работоспособность рассматриваемых технологий сетевого политического менеджмента, одновременно изучив примеры активности этого феномена в Австралии, Нидерландах и Великобритании [17].

Вопросы взаимодействия политических менеджеров и политических сетей подводят нас к аспекту *метауправления* – нового типа высокопрофессионального регулирования сложных политических сетей для содействия обмену опытом и формирования атмосферы доверия между участниками подобных отношений [18]. Учёт политических сетей не предвлагает, что элементы государственного управления должны полностью замениться сетевым менеджментом. Каждому элементу управленческого процесса следует эффективно выполнять свои конкретные функции:

- государству отводятся стратегические ориентиры развития общества, системный надзор и поддержание законного порядка;

- гражданскому обществу – демократическая инициатива, экономический креатив, а также мониторинг за деятельностью политических менеджеров и государства;

- политическим менеджерам – медиационная наладка управленческих процессов.

Метауправление политическими сетями допускает несколько общих техник: дизайн сети, её структурирование, управление сетью, активная деятельность в самой сети [19]. При этом риски «демократического элитизма», секретности и неподконт-

ральности *arcana imperii* существенно снижаются при чётком разграничении ролей политических менеджеров, выборных представителей граждан (депутатов), чиновниках государственной власти и местного самоуправления.

Домен политических менеджеров означает принятие сетевого, а не административно-бюрократического принципа планирования и организации управленческого процесса. Метасеть из политических менеджеров должна стать не только надёжным медиатором в отношениях между государственными, коммерческими и общественными организациями, но и мощной системой по оказанию профессиональной консультации всем участникам политических сетей. Любое дублирование функций вышеназванных управленческих элементов должно исключаться априори.

Основной опасностью для демократии, исходящей от непродуманного политического менеджмента, может стать отсутствие полноценного механизма подотчётности таких экспертов обществу и государству.

Этот вопрос является настоящей ношей Атланта для современной политической науки. Менеджерияльная модель – не панацея от всех управленческих проблем, она больше ориентирована на создание позитивных стимулов для эффективной деятельности системы. Предлагается расширить спектр форм подотчётности в условиях развёртывания политических сетей [17]. Например, в случае решения текущих типичных проблем, где основным индикатором деятельности управления сетями будут затраты, целесообразна бюрок-

ратическая форма подотчётности с упором на подчинение распоряжениям и строгий контроль. Правовая подотчётность больше подходит тогда, когда стандартные задачи управления ориентированы на результат; политическая подотчётность – лучший вариант для нетипичных управленческих задач, учитывающих результат; профессиональная отчётность требуется при нетипичных задачах управления с ориентацией на анализ последствий принимаемых решений экспертами.

Подотчётность политических менеджеров – особый вопрос. Важно понимать одно: если не будет создан эффективный механизм, допускающий понятный и прозрачный контроль экспертов со стороны общества и государства, то это лишь откроет новый ларец Пандоры. Угроза непрофессионального подхода к этой теме кроется в том, что подобные профессиональные сети могут эволюционировать в манипулятивное оружие элиты и олигархических групп против граждан.

Матрицей всех системных подвижек по созданию нового социально ориентированного политического

Предлагаемая модель – лишь эскиз новой парадигмы политического менеджмента. Она пока не может объяснить все сложные управленческие процессы в наше непростое время.

Существует целая вселенная научных проблем, так или иначе связанных с политическим менеджментом: политическая культура, этика, геополитические факторы, экономические переменные, электронная демократия и сетевое правительство. Объять необъятное – рискованная задача, однако медиационная парадигма не только является попыткой нового осмысления роли политического менеджмента, но и выступает своеобразным призывом к научному диалогу.

менеджмента необходимо сделать профессиональное образование.

Примером считается подготовка политических менеджеров в университете Джорджа Вашингтона, организованная с 1987 г. Его выпускники работают консультантами в самых различных государственных, коммерческих и общественных организациях [20]. Подобные образовательные программы вводятся по всему миру, что отражает безусловный спрос на таких специалистов.

Подготовку политических менеджеров важно организовывать с учётом следующих принципов:

- высокого профессионализма в области прикладной политологии;
- развития специфических компетенций, нацеленных на медиацию управленческого процесса (механизм подотчётности, координацию, культуру компромисса и партнёрства, технологии метауправления политическими сетями);
- воспитание неприятия манипулятивных приёмов, профессиональной ответственности и уважения демократических принципов.

Кроме того, закономерно встаёт вопрос становления профессиональной ассоциации таких политических менеджеров, а также совершенствования законодательства в сегменте избирательного процесса, политической рекламы, государственной и муниципальной службы.

Примечания

1. Федорченко С.Н. Искусство политического менеджмента. М.: ИИУ МГОУ, 2013. С. 4.

2. *Тацит Корнелий*. *Анналы*. Малые произведения. История. М.: АСТ; Ладомир, 2001. С. 525.
3. *Naude G.* *Consideratios politiques sur les coups d'état /Intr. And notes Fracoise Charles-Daubert, 1639; Hildesheim, Ger., 1993. P. 40–41.*
4. *Анкерсмит Ф.Р.* Политическая репрезентация. М.: ВШЭ, 2012. С. 38.
5. *Michels R.* *Political Parties. A Sociological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy.* N.Y.; L.: The Free Press, 1968. P. 45.
6. *Макферсон К.* Жизнь и времена либеральной демократии. М.: ВШЭ, 2011. С. 104, 119, 136.
7. *Дзоло Д.* Демократия и сложность: реалистический подход. М.: ВШЭ, 2010. С. 192, 190.
8. *Одайник В.* Психология политики: Политические и социальные идеи Карла Густава Юнга. СПб.: Азбука-Классика, 2010. С. 87.
9. *Иванова И.В.* Парадоксы политического языка Чинквеченто. Доклад на школе-конференции «Нелегитимная аргументация в интеллектуальной культуре Запада от св. Ансельма до Исаака Ньютона». Институт гуманитарных историко-теоретических исследований ВШЭ. 2011. 6 сентября.
10. *Meyring D.M.* *Politische Weltweisheit: Studien zur deutschen politische Philosophie des 18. Jahrhundert.* Munchen, 1965. S. 47–49.
11. *Bobbio N.* *Il futuro della democrazia.* Turin: Einaudi, 1984. Engl. Transl. Cambridge: Polity Press, 1987. P. 24–27.
12. *Абрамов А.В.* Раскол электорального поля и перспективы патриотической консолидации современного российского общества // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. 2013. № 5. Т. 2.
13. *Алексеев Р.А.* Эволюция концепции правового государства в истории политико-правовой мысли // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки, 2013. № 2.
14. *Халиков М.И.* Управление и менеджмент: теоретико-методологический анализ: монография. М.: ФЛИНТА; Наука, 2013. С. 12.
15. *Putnam R.* *Making Democracy Work: Civic Traditions in Modern Italy.* Princeton, 1993.
16. *Carens J.H.* *Compromises in Politics // Compromise in Ethics, Law, and Politics / Eds. by J.R. Pennock, J.W. Chapman. N.Y., 1979.*
17. *Михайлова О.В.* Сети в политике и государственном управлении. М.: ИД КДУ, 2013. С. 69, 235–249, 213–214.
18. *Klijn E.-H., Koppenjan J.F.M.* *Managing Uncertainties in Networks.* London: Routledge, 2004.
19. *Sorensen E., Torfing J.* *The Democratic Anchorage of Governance Networks // Scandinavian Political Studies. 2005. Vol. 28.*
20. *Пишизова С.Н.* Можно ли управлять демократией? Ч. I // Полис. 2013. № 6.